

Методы социологических исследований

© 2004 г.

Н.Е. ТИХОНОВА, Н.М. ДАВЫДОВА, И.П. ПОПОВА

ИНДЕКС УРОВНЯ ЖИЗНИ И МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна - доктор социологических наук, заместитель директора Института комплексных социальных исследований РАН. ДАВЫДОВА Надежда Марковна, ПОПОВА Ирина Петровна - кандидаты социологических наук, старшие научные сотрудники того же института.

Социальная структура общества может рассматриваться с точки зрения различных подходов. Наиболее распространенным и "укорененным" в российской социологии до сих пор выступает классовый. Не останавливаясь подробно на причинах его относительной неэффективности в условиях современной России, отметим лишь, что при его применении почти 60 млн. человек экономически активного населения России оказываются в одном и том же классе наемных работников, занятых исполнительским трудом, выключенных из процесса распределения произведенного продукта и имеющих очень близкие с точки зрения классовой теории позиции. В то же время реальные условия их труда и жизни заметно различаются.

Второй - стратификационный подход. Его применимость в современном российском обществе, на наш взгляд, связана с тем, что в условиях характерного для нынешнего этапа роста неопределенности и вариативности человеческих судеб, плюрализации возможных моделей поведения и стилей жизни, даже в рамках одного класса сосуществуют социальные группы, кардинально различающиеся между собой как по реальным жизненным практикам, так и стратегическим перспективам. Соответственно, и эвристические возможности стратификационного подхода для анализа социальной структуры общества применительно к условиям современной России гораздо больше. Это не означает, впрочем, отказа от классового подхода при анализе других проблем, например, противоречий, существующих в обществе.

Одной из наиболее серьезных теоретических проблем, встающих на этом пути, выступает поиск приемлемых способов описания основных слоев/страт российского общества, в частности, тех показателей, по которым можно было бы адекватно выделить и описать основные социальные группы, суть и масштабы различий и неравенств между ними, а также сложность вычленения конкретных индикаторов социальных неравенств, существующих в России.

Известны стратификационные концепции, сложившиеся в рамках западных обществ, где решающую роль играют совокупности показателей, связанные с экономическим, властным и культурно-символическим капиталами индивидов. Однако при по-

Статья подготовлена в рамках работы по проекту "Изменяющаяся Россия: формирование новой системы стратификации" (проект № 03-03-00234а), выполняемого при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

пытке прямого приложения их к российской действительности обнаруживается противоречивость в показателях положения социальных групп, которая чаще всего концептуально описывается как статусная рассогласованность, т.е. несоответствие различных сторон статуса разных групп¹, например, образовательного уровня и экономического положения. Эта особенность приняла крупные масштабы и генерирует многие противоречия современного российского общества. В ее основе - маргинальность, переходность статусных позиций массовых социальных групп.

В то же время в западной социологической традиции есть ряд очень важных в методологическом плане для условий трансформирующегося общества идей. В их числе, например, характерный для веберианской / неовеберианской традиции приоритет в понимании экономической подосновы стратификации, не столько приносящей доход собственности, сколько рыночных позиций групп в целом. Например, в качестве стратообразующего признака даже экономической стратификации рассматриваются при таком подходе жизненные шансы (life-chances) на рынках труда и потребления.

Пытаясь применить идею разницы жизненных шансов как важнейшего стратифицирующего признака применительно к российским условиям (от вопроса, чем обуславливается разница шансов, мы в данной статье отвлекаемся), мы исходили из того, что за годы российских реформ в социальной стратификации российского общества произошло заметное углубление дифференциации материального положения, качества жизни и жизненных шансов для различных групп и слоев. Этот факт зафиксирован и массовым сознанием - как неоднократно показывали исследования Института комплексных социальных исследований РАН (ИКСИ РАН) (см., напр. [2]), именно своим материальным положением и реальным образом жизни² руководствуется большинство россиян, определяя сегодня свой социальный статус в обществе. Данный критерий, разумеется, очень небольшой компонент экономического статуса, причем только в части потребления, без учета наличия или отсутствия приносящей доход собственности. Тем не менее, в качестве первого шага к построению интегральной модели стратификации российского общества мы использовали этот критерий при разработке *индекса уровня жизни* и, на основе его показателей, создавали шкалу вертикальной стратификации, расположив на ней россиян в соответствии с разницей их жизненных шансов в сфере потребления.

Основная проблема, с которой мы столкнулись при построении этого индекса, заключалась в том, что именно следует рассматривать в качестве критериев реального уровня благосостояния людей. Зачастую в основу оценок уровня материальной обеспеченности населения социологами кладется какой-то один критерий - как правило, это либо критерий среднедушевого дохода (в условиях современной России, безусловно, скорее искажающий, чем отражающий реальную картину), либо субъективные оценки материального положения (которые также имеют весьма косвенное отношение к действительным жизненным стандартам россиян, а скорее являются индикатором уровня их притязаний (см. [3]).

На волне критики существующих традиционных методов в оценках уровня благосостояния в последние годы возник интерес к использованию иных социологических подходов, отличающихся комплексностью исследования особенностей дифференциации уровня жизни различных слоев населения. Подобные подходы предполагают учет широкого спектра не только денежных, но и любых других экономических ресурсов (имущественных, жилищных и т.д.), влияющих на поддержание определенного уровня материального благосостояния россиян. Ведь накопленный ими в течение жизни непродуцированный экономический потенциал активно используется в реальных жизненных практиках и имеет немалое значение для выживания и адаптации, а в конечном счете - в разнице жизненных шансов в сфере потребления и занятии определенной позиции в системе стратификации общества.

Кроме того, как отмечалось выше, существует значительный люфт между уровнем текущего дохода и жизненными шансами в сфере потребления [4]. Поэтому при изучении жизненных стандартов представляется целесообразным опираться не на от-

дельно взятый критерий, а на многомерные индексы, учитывающие широкий спектр объективных материальных/имущественных ресурсов, реальный уровень потребления и определенные субъективные оценки материальной обеспеченности.

Попытка сконструировать подобный интегральный индикатор была предпринята нами на основе эмпирического материала, полученного в ходе двух крупных исследований ИКСИ РАН, проведенных, соответственно, в марте и июле 2003 г.: "Богатые и бедные в современной России"³ и "Российский средний класс: динамика изменений", а также опроса, проведенного в рамках работы по проекту "Изменяющаяся Россия: формирование новой системы стратификации". По своему типу все эти исследования являлись репрезентативными для населения России в целом.

Основой построения индекса уровня жизни изначально являлась гипотеза о том, что рассмотрение реального уровня жизни включает не только оценку благосостояния, но и оценку уровня депривации, то есть испытываемых частью населения лишений и ограничений в общепринятом наборе потребительских благ. Реально имеющиеся у каждого человека "блага" и испытываемые им лишения дают в совокупности реальную картину его уровня жизни. В условиях рассогласованности статусов очевидные, на первый взгляд, признаки благосостояния могут мирно соседствовать с проявлениями достаточно серьезной депривации, что особенно характерно для крайних возрастных групп. Так, например, проживающая отдельно от родительской семьи молодежь может иметь магнитофоны и мобильные телефоны, но не иметь телевизора или холодильника, входящих в обязательный "джентльменский набор" россиян. В то же время представители самых старших возрастных групп могут располагать довольно полным набором имущества, но не средствами для посещения нужного врача или покупки лекарств. Только суммируя признаки испытываемой депривации и материального благосостояния, можно подойти к определению реального уровня жизни каждого конкретного человека. Анализируя признаки депривации, мы исходили из того, что наиболее обездоленным группам приходится ограничивать себя (или полностью отказываться) от самых необходимых расходов - на питание, одежду, лечение. К признакам депривации относятся также невозможность поддержания нормальной первичной среды обитания (иметь удовлетворительные жилищные условия, приобретать и обновлять наиболее распространенные среди россиян предметы длительного пользования), недоступность в силу отсутствия средств полноценной рекреации, получения желаемого образования и т.д.

Таким образом, нашей исходной гипотезой при построении индекса уровня жизни было предположение, что дифференциация российского населения проявляется не только в том, что у семьи есть, но и в том, чего у нее нет. Причем реализация различных стилей жизни (которые активно формируются в современной России), ведет к тому, что среди той части населения, которая не испытывает реальной депривации, признаки благосостояния должны включать не только имущество, но и услуги, поскольку среди находящихся на одной и той же реальной ступени материального благосостояния одна часть будет конвертировать свои ресурсы в компоненты предметно-вещной составляющей материального благосостояния, а другая - направлять их на потребление определенного типа услуг, социального участия, досуга и отдыха.

Исходя из вышесказанного, при определении показателей и индикаторов, на основе которых рассчитывался индекс уровня жизни, мы учитывали и признаки депривации, и признаки благосостояния (которые, по нашим данным, в большинстве случаев встречались у одного и того же человека), как характеристики имеющегося имущества, так и особенности трат на различные виды услуг. Причем признаки депривации или испытываемых лишений оценивались нами при расчете индекса со знаком "минус", в то время как наличие тех или иных ресурсов (имущества, недвижимости, сбережений, возможностей использовать те или иные услуги, практиковать разные формы досуга и отдыха) - со знаком "плюс". Это позволяло математически отразить тот факт, что

испытываемые лишения и имеющиеся блага в жизни каждого человека могут взаимокompенсироваться.

Анализ полученного эмпирического материала показал, что для *слоев российской населения, стоящих на разных ступенях социальной лестницы, пороговыми, определяющими будут разные типы ресурсов, а также разный набор содержащихся в них элементов*. Не останавливаясь на этой теме подробно, отметим лишь, что если, например, для наиболее депривированной части общества наиболее значимым является состав того, чего у них нет, насколько сужены их возможности в жизни, то для средних слоев это уже качественно иные критерии, сосредоточенные на том, что у них есть. "Пороговым" показателем перехода от малообеспеченных к среднеобеспеченным слоям населения выступает наличие возможности пользоваться платными услугами. Для различающихся уровнем благосостояния представителей средних слоев признаками этой разницы оказались различные виды движимого имущества. Граница между средними и богатыми слоями населения соответствует смещению приоритетных различий в сторону характера находящейся в собственности недвижимости и т.д.

Исходя из этого, при конструировании интегральных индикаторов благосостояния населения необходимо было учитывать, *что разные показатели обладают различным удельным весом применительно к той или иной позиции на лестнице социальных статусов, выстроенных в соответствии с уровнем жизни каждого конкретного человека*. Наиболее эффективным путем решения этой проблемы нам представлялось присвоение используемым для построения индекса показателям различного удельного веса в зависимости от степени их значимости в оценках уровня материальной обеспеченности. "Пороговые" показатели, характеризующие качественные различия слоев, должны были, с нашей точки зрения, обладать относительно большим удельным весом, чем остальные. В зависимости от этого, присваиваемые им балльные оценки дифференцировались от -3 до +4 за наличие соответствующего индикатора. Общее количество учитываемых при построении индекса уровня жизни индикаторов составило 46 единиц, что, с учетом разного количества баллов, присваиваемых за наличие разных признаков, задавало исходную шкалу вертикальной стратификации по критерию уровня жизни в интервале от -23 до +67 баллов. На практике же после расчета показателей индекса уровня жизни по каждому респонденту в отдельности его показатели колебались от -18 до +54.

Содержательное наполнение индекса уровня жизни и набор использовавшихся показателей

В числе этих показателей были: 1) субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации; 2) имущественная обеспеченность; 3) наличие недвижимости, которой можно было пользоваться в повседневной жизни, но которую можно было и продать, получив дополнительный финансовый ресурс; 4) качество жилищных условий; 5) наличие денежных сбережений и вкладов в различных формах; 6) возможность использования платных социальных услуг; 7) досуговые возможности, связанные с дополнительными расходами.

Субъективные оценки наличия наиболее значимых форм депривации. В данном случае со знаком "минус" в качестве индикаторов рассматривались испытываемые лишения и ограничения, значимые с точки зрения общепринятого в России образа жизни. Если респондент оценивал собственные возможности питаться, одеваться, проводить свободное время и отдыхать в период отпуска как "плохие" (альтернативой выступали ответы "хорошие" и "удовлетворительные", которые выбирало большинство респондентов), ему засчитывался (-1) балл за каждый из этих ответов. *Всего по этому блоку индикаторов респондент мог максимально набрать (-4) балла.*

Имущественная обеспеченность. Учитывая огромную значимость этого показателя для абсолютного большинства россиян, при расчете индекса он был использован очень широко - ведь именно имущественная обеспеченность населения наглядно отражает сложившуюся на сегодня в российском обществе дифференциацию уровня жизни различных его групп. Причем здесь важны сразу несколько аспектов.

Во-первых, при всей широте спектра располагаемого имущества и возможностях индивидуального выбора элементов вещной среды, исследования позволили зафиксировать ряд предметов длительного пользования, которыми обладает подавляющее большинство россиян и который это большинство в настоящее время признает безусловно необходимым для нормальной жизни. В общепринятый обязательный имущественный набор включены 6 предметов: *холодильник* (его не имели по состоянию на март 2003 г. 1,3% опрошенных), *цветной телевизор* (не имели 5,4%), *ковер или палас* (6,7%), *стиральная машина, пылесос, мебельный гарнитур* (от 14,9% до 17,9%). Это значит, что если какая-то российская семья в своей повседневной жизни лишена именно этих предметов, то ее уровень жизни действительно низок. Отсутствие же двух и более из них (прежде всего, холодильника и телевизора) означает существование на уровне бедности. Исключением являются лишь молодые семьи, только начинающие вести собственное хозяйство, но и для них отсутствие данных предметов - реальное лишение, поэтому оно может быть засчитано как индикатор соответствующих видов депривации. При расчете индекса уровня жизни отсутствие телевизора и холодильника оценивалось в (-2) балла, остальных предметов из общепринятого имущественного набора - в (-1) балл за каждый предмет длительного пользования. Наличие менее 6 видов имущества (информация собиралась по 23 различным имущественным позициям) позволяло дополнительно засчитать респонденту еще (-2) балла. Всего по этому блоку индикаторов респондент мог максимально набрать (-10) баллов, отражающих испытываемые им формы депривации.

Во-вторых, поскольку имущественная обеспеченность населения наглядно отражает сложившуюся на сегодня в российском обществе дифференциацию различных его групп, то при расчете индекса уровня жизни мы учитывали набор этого имущества. В случае наличия каждого из 17 предметов сверх обязательного имущественного набора из 6 предметов мы добавляли по (+1) пункту за каждый вид (здесь учитывалось наличие автомобиля, видео- и аудиоцентра, компьютера, различных видов бытовой техники, мобильного телефона, дорогостоящего электроинструмента, мотоцикла/мотороллера и т.п.). Кроме того, наличие трех и более из пяти предметов длительного пользования, наименее распространенных в повседневной жизни у большинства населения, давало таким респондентам возможность получить еще (+3) дополнительных балла (речь идет о посудомоечной машине, антенне спутникового телевидения, кондиционере, спортивных тренажерах, домашнем кинотеатре). Наконец, при условии обладания более чем 8 предметами (это был медианный показатель общего количества видов имущества по массиву в целом, а, следовательно, обладание более чем 8 видами имущества автоматически ставило его обладателя в более выгодную позицию, чем большинство населения) им засчитывался (+1) дополнительный балл, более чем 13(+2) и более чем 15 (+3) дополнительных балла. Таким образом, *всего по наличию тех или иных видов имущества показатели индекса уровня жизни могли колебаться от (-10) до (+23).*

В-третьих, при расчете индекса уровня жизни представлялось крайне важным учитывать качественное состояние предметов длительного пользования в домохозяйствах и возможности их обновления по мере износа. Исходя из этого, мы предприняли попытку оценить качественное состояние предметно-вещной среды россиян, то есть учесть, когда именно был приобретен тот или иной предмет длительного пользования, и каково общее количество обновленного имущества за последние 7 лет. Тем респондентам, которым вообще не удалось за указанный период приобрести что-то новое, засчитывалось (-3) балла, поскольку это означало высокий уровень депривации. Всего 19,5% опрошенных не приобрели за последние 7 лет ни одного ново-

го предмета. Тем, кто сумел обновить за это время более 3 видов имущества (медианный показатель по массиву), получал (+1) дополнительный балл; кто приобрел более 11 видов имущества⁶ - (+2), более 15 - (+3).

Введение двух последних значений в расчеты, как, впрочем, и увеличенные баллы за наличие более 13 и более 15 видов имущества, а также наличие наиболее редких видов имущества (кондиционеры, домашние кинотеатры и т.п.), являющихся для подавляющего большинства россиян непозволительной роскошью, было связано с необходимостью четче дифференцировать и структурировать наиболее обеспеченные слои населения. В принципе, число россиян, обладавших какими-либо вещами из "списка редких предметов" или приобретших за последние 7 лет более 11 новых видов имущества, составляло менее 5% от всех опрошенных, а число имевших или приобретших за последние семь лет более 15 предметов - около 1,5%. Учитывая незначительность этого показателя, можно было бы не продолжать структурирование представителей "верхов" российского населения. Однако поскольку в нашем распоряжении находился также уникальный массив данных экспертного опроса представителей богатых слоев населения, по которому можно было с небольшой статистической погрешностью выделить характерные особенности жизни различных слоев "богатых", мы сочли целесообразным ввести в расчет индекса уровня жизни дополнительные баллы за те особенности, которые наиболее ярко дифференцируют представителей этих слоев.

Не вдаваясь в детальное рассмотрение этой темы⁷, отметим также, что дополнительные максимальные баллы за наличие более 15 видов имущества вообще и покупку более 15 новых видов имущества позволяли выделить "сливки" этих слоев. Подобная схема расчета индекса позволила "поймать" наиболее материально обеспеченную часть россиян и проанализировать их уровень жизни, особенности социально-профессионального статуса и мировоззрения. Добавим, что, хотя мы не проводили специальной кодировки тех видов имущества, которые респонденты указывали в позиции "другие виды дорогостоящего имущества", но именно в группе имевших более 15 видов нового имущества встречались ответы типа "собственная конюшня с 3 лошадьми", "яхта" и т.п. Таким образом, в данном случае при разработке технологии построения индекса мы постарались максимально учесть тот установленный нами факт, что для разных слоев населения внешними признаками их принадлежности к этим слоям выступают различные индикаторы. *Всего по приобретению тех или иных видов имущества показатели уровня жизни могли колебаться от (-3) до (+3), и всего по блоку имущественных показателей - от (-13) до (+26) баллов.*

Наличие недвижимой собственности. Характеризуя индикаторы, с помощью которых мы измеряли такой показатель, как наличие недвижимости, надо оговориться, что при расчете индекса уровня жизни не учитывалось наличие у респондентов приватизированной квартиры, в которой они проживали. Это связано с тем, что данный тип собственности за период реформ подавляющее большинство россиян получили бесплатно и использует лишь для потребления. При этом шансы различных слоев населения получить квартиру в собственность (в данном случае мы отвлекаемся от вопроса о качестве приватизированного жилья) были достаточно близки. Более того, наличие в распоряжении россиян квартир одинакового качества, независимо от того, приватизирована она или нет, ставит их фактически в равные условия в случае появления у них желания ее продать или обменять, поскольку неприватизированные квартиры продаются лишь на несколько процентов дешевле приватизированных и технология их продажи уже отработана.

С другой стороны, жилье является самым дорогим ресурсом, которым располагает большинство россиян. Поэтому учесть возможности, которые есть у них в этой сфере, при составлении индекса уровня жизни было, безусловно, необходимо. Мы решили эту задачу следующим образом. Во-первых, индекс учитывал наличие у респондентов второго жилья (квартиры, комнаты, зимнего дома) - в этом случае респондент получал +3 балла. Наличие второго жилья свидетельствовало либо о достаточно высоком уровне благосостояния и возможности "жить на два дома", либо о

возможности улучшить в перспективе жилищные условия семьи или получить дополнительный доход - регулярный (в случае сдачи его внаем) или разовый (от продажи). В любом случае его наличие создавало для домохозяйства дополнительные возможности, влияющие на образ и уровень жизни, что надо было отразить в индексе. По тем же соображениям учитывалось наличие дачи или садово-огородного участка с домом (+2 балла), а также гаража или места на коллективной стоянке, просто садово-огородного участка, земли, скота (+1 балл за каждую позицию). Если размер земельного участка превышал 1 гектар, респондент получал еще (+2) балла, а свыше 5 голов скота давало (+1) дополнительный балл; это делалось для того, чтобы учесть особенности сельского образа жизни и дифференциацию возможностей потребления у селян. Соответственно, если семья респондента ничего из вышеперечисленного в собственности не имела, показатели ее уровня жизни уменьшались на (-2) балла. *Всего при расчете владения недвижимостью можно было получить от (-2) до (+12) баллов.*

Качество жилищных условий. Расчет индекса уровня жизни в части качества жилищных условий в основном опирался на обеспеченность жилой площадью, ответы респондентов о степени их удовлетворенности собственными жилищными условиями (где отчетливо наблюдалось два скачка - 25 и 40 кв.м общей жилой площади на человека), а также на тип занимаемого жилья. Используемые при построении индекса индикаторы включали: количество квадратных метров общей площади на каждого члена семьи, депривация по жилью (означающая проживание в общежитии, коммуналке, съемной квартире при условии, что у респондента или его семьи нет никакого другого жилья), а также существенно лучшие жилищные условия, чем у большинства населения. В последнем случае имеется в виду владение особняком, коттеджем или заметное превышение общего метража. Проживание в элитных типах жилья оценивалось в (+4) балла, а в условиях, свидетельствующих о депривации - в (-1) балл. Помимо этого, если в семье количество квадратных метров общей площади на одного члена семьи было менее 10 кв.м., ей начислялся (-1) балл; более 15 кв.м (медианный показатель по массиву) давали право на (+1) дополнительный балл, более 17 кв.м. (среднеарифметический показатель по массиву) - (+2), более 24 кв.м. - (+3) и более 39 кв.м. - (+4) балла дополнительно. *Общий балл по жилищным условиям мог колебаться от (-2) до (+8) пунктов.*

Наличие сбережений и инвестиционных ресурсов. Сбережения респондентов оценивались с двух точек зрения: наличия их в принципе и достаточности для того, чтобы семья могла прожить на них не менее года. Кроме того, мы посчитали целесообразным учесть при расчете индекса также такой аспект, как наличие кредитов, поскольку возможность пользоваться кредитами означает появление дополнительных потребительских возможностей. Сбережения, недостаточные для того, чтобы жить на них длительное время, а также невыплаченные кредиты, полученные по месту работы респондента, засчитывались как (+1) балл за каждую позицию, а крупные сбережения и банковские кредиты - по (+2). Значимость показателя наличия сбережений, кредитов и их размеров, с нашей точки зрения, достаточно велика и имеет непосредственное отношение к дифференциации населения по уровню жизни, так как не только в "снятой" форме отражает дополнительные возможности финансирования имеющихся потребностей, но и способствует лучшему социальному самочувствию, обеспечивая дополнительную прочность положения в обществе. *Всего по этому показателю респондент мог получить от (0) до (+6) баллов.*

Возможность использования платных социальных услуг. При раскрытии этого показателя индекса уровня жизни мы учитывали, что ряд необходимых и ранее бесплатных социальных услуг в России (медицинских, образовательных, оздоровительных, рекреационных) в последнее время все больше замещается преимущественно платностью их удовлетворения. Однако, учитывая, что эти услуги призваны удовлетворять базовые, наиболее значимые потребности людей, неравенство их возможностей в пользовании соответствующими платными услугами имеет огромное значение. Чтобы отразить дифференцированность возможностей россиян в этой сфере,

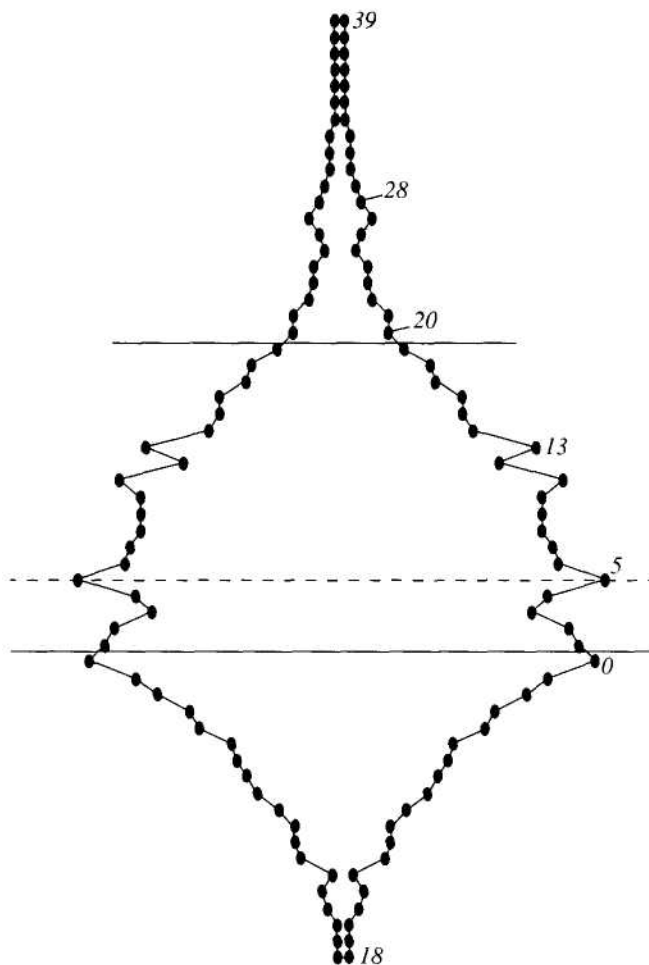
при расчете индекса уровня жизни за пользование в течение последних трех лет за счет собственных средств образовательными (для детей и взрослых), медицинскими (для всех членов семьи), оздоровительными (для детей и взрослых) услугами респондентам добавлялся (+1) балл за каждый из видов услуг. Если семье удавалось осуществлять туристические или образовательные поездки за границу, а также строительство или покупку жилья, то есть наиболее редкие и дорогие виды платных услуг, то ей начислялись по (+2) балла за каждую. В случае использования 3-х и более из вышеперечисленных типов платных услуг, индекс увеличивался еще на (+1) балл. Тем, кто за последние три года для удовлетворения своих социальных потребностей не сумел воспользоваться ничем на платной основе, к депривационной части индекса добавлялось (-2) балла. *Всего при расчете можно было получить от (-2) до (+10) пунктов.*

Досуговые возможности. Как показывают все наши исследования, свободное время и разнообразие форм его проведения является одной из важнейших сфер проявления неравенства возможностей людей и ярким примером различий в их уровне и качестве жизни. Причем в России за последние годы в этой сфере наблюдается заметная динамика увеличения досуговых возможностей, связанная с быстрым расширением спектра форм социального участия (ростом рыночного предложения в области развлекательных, рекреационных, развивающих и т.д. компонентов организации досуга). Наиболее значимыми с точки зрения возможностей выбора определенного стиля жизни являются те формы проведения свободного времени, которые связаны с внедомашней досуговой активностью (и именно они требуют наибольших дополнительных материальных затрат). При расчете индекса уровня жизни нами учитывались возможности российских респондентов посещать дискотеки, клубы, кафе, бары, рестораны, а также театры, кино, концерты, музеи, выставки и другие познавательные и развлекательные мероприятия. Принималось в расчет также наличие возможностей для занятий спортом, посещения спортклубов и спортивных секций. *Максимально в случае использования перечисленных досуговых возможностей индекс мог увеличиться до (+5) пунктов, минимально - не увеличиться совсем.*

Использованная методика построения индекса достаточно полно отразила неравенство возможностей представителей различных слоев и их жизненных шансов практически во всех сферах потребления.

Как выглядит модель социальной стратификации российского общества по критерию уровня жизни, построенная на основе полученных нами показателей индекса, показано на рисунке.

В качестве пояснений к рисунку надо сказать, что, судя по результатам дополнительного опроса представителей богатых слоев населения в ходе исследования "Богатые и бедные в современной России", шпиль фигуры должен быть гораздо выше, так как в общероссийском опросе, включавшем экспертный опрос респондентов из богатых слоев населения, максимальный показатель индекса уровня жизни составлял +54 балла, а в репрезентативном, на материалах которого и был построен рисунок, +39 баллов, поскольку представители самых богатых слоев населения в обычный репрезентативный опрос просто не попадают. Второе. Судя по конфигурации модели, тип стратификации, характерный для современного российского общества, не является чем-то уникальным, хотя и имеет определенные особенности. Депривированная часть общества в нем составляет относительное меньшинство, но еще очень велика. Большинство населения сосредоточено в средних слоях, хотя "середина" фигуры при этом явно смещена вниз. Хорошо видна на модели и глубина социальных неравенств жизненных шансов различных групп населения в сфере потребления, а также колоссальная дифференциация, растянутость по вертикали уровня жизни наиболее благополучных слоев, доля которых составляет 5% всего населения России. Огромен разрыв даже в сфере потребления (не говоря уж о размерах капитала) между различными слоями богатых. Он настолько велик, что приводит в итоге к своего рода смещениям в массовом сознании, резкой неадекватности оценок большинством насе-

Модель социальной стратификации российского общества по критерию уровня жизни по состоянию на март 2003 г.

ления собственного материального положения, что способствует росту социального напряжения в обществе.

Третье. Доля населения, испытывающего депривацию, составляет 25,5%. При этом у 6,5% россиян показатели индекса уровня жизни находились в интервале (-18)-(-8) баллов, что свидетельствует об очень глубокой депривации⁸. На особенностях этого состояния и различных уровней бедности мы здесь специально останавливаться не будем (об этом подробнее см. [6]), но то, что четверть населения по показателям уровня жизни имеют отрицательные показатели - очень тревожный факт. Кроме того, нулевой показатель индекса имело еще 4,9% респондентов. На уровне показателя индекса в 5 баллов (показатель не более 5 баллов характеризует 51,6% опрошенных) проходит медиана.

Проведенный анализ построенной модели стратификации российского общества позволяет утверждать следующее:

1) почти треть россиян живет сейчас ниже того стандарта, который считается пусть скромным, но все же хоть сколько-то приемлемым уровнем жизни большинством населения, причем это далеко не всегда наименее обеспеченная с точки зрения официального уровня их доходов часть населения. На рисунке эта часть отсечена от остального населения нижней сплошной линией;

2) медианный уровень жизни в сегодняшней России фактически означает малообеспеченную жизнь. Достаточно сказать, что для того, чтобы набрать 5 баллов при расчете индекса, типичная семья из родителей с одним ребенком-школьником должна была жить в квартире общей площадью не более 45 кв.м; иметь где-нибудь за городом огород без садового домика; из домашнего имущества пользоваться только купленными не позднее середины 90-х годов холодильником, телевизором, пылесосом, стенкой и стиральной машиной; ничего не купить в дом за последние семь лет; в случае острой необходимости оплатить платные медицинские услуги за последние три года, тратить деньги на развлечения лишь на кино для ребенка, и при этом оценить как "плохие" только возможности отдыха в период отпуска. На рисунке медиана обозначена пунктиром;

3) грань реального богатства проходит по данной шкале на уровне 28 баллов. Показатели в 20-27 баллов являются пограничными, и люди, имеющие уровень жизни, соответствующий этим показателям, с точки зрения большинства населения, как показало исследование ИКСИ РАН "Богатые и бедные в современной России", являются богатыми. На рисунке этому уровню соответствует позиция у начала широкой части основания шпилья, отмеченная пунктирной линией.

В заключение хотелось бы сказать, что построенная модель социальной структуры российского общества по критерию уровня жизни дает возможность не только выделить, но и детально описать положение, социально-профессиональный состав всех основных слоев российского общества. Однако характеристика этих слоев - тема другой статьи...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О проблематике статусной рассогласованности см.: [1].
- ² Говоря о качестве и образе жизни, мы, как и россияне в целом, имеем в виду прежде всего те их компоненты, которые прямо зависят от материальных возможностей людей, и в этом смысле отражают реальный уровень их жизни.
- ³ В основу исследования *"Богатые и бедные в современной России"* закладывались два типа выборки. Первая формировалась по квотному принципу и репрезентировала жителей 11 территориально-экономических районов страны (согласно районированию, принятому Госкомстатом РФ), а также городов Москвы и Санкт-Петербурга. По квотной выборке опрашивались представители 11 социально-профессиональных групп населения, кроме того, квотирование осуществлялось по полу, возрасту, типу поселения и национально-этнической принадлежности (согласно статистическому распределению населения РФ). Объем основной выборки составил 2118 респондентов. Наряду с основной выборкой в исследовании использовалась выборка дополнительного экспертного опроса по богатым слоям населения России, которая насчитывала 315 человек; половина из них представляли Москву и Санкт-Петербург, а вторая половина - другие регионы России. В ходе исследования *"Российский средний класс: динамика изменений. 1999-2003 гг."* и *"Изменяющаяся Россия: формирование новой системы стратификации"* было опрошено 2106 респондентов от 18 лет и старше, проживающих во всех территориально-экономических районах страны (согласно районированию Госкомстата РФ) и представляющих 11 основных социально-профессиональных групп. Квотная выборка формировалась с учетом признаков, аналогичных проведенному ранее исследованию *"Богатые и бедные в современной России"*, призванных обеспечить репрезентацию населения в целом.
- ⁵ Подробнее об этом см. главы, посвященные особенностям материального положения и имущественного потенциала бедных россиян, среднего класса и представителей богатых слоев населения, в коллективной монографии, подготовленной в ИКСИ РАН с участием авторов данной статьи [5].
- ⁶ При этом количество единиц одного и того же вида имущества, которое было приобретено за эти годы, как и количество имеющихся предметов одного вида в семье (например, телевизоров) нами при составлении индекса не учитывалось. Это была наша сознательная позиция, так как при составлении индекса мы в методологическом плане шли от *потребностей, которые есть возможность (или которых нет возможности) удовлетво-*

рять, от образа жизни, который есть возможность (или нет) реализовывать, а не просто от количества денег, затраченных за последние годы респондентами на потребление. Таким образом, мы стремились учесть *качественную сторону уровня жизни*, а не просто определенные количественные показатели.

Подробнее об этом см. главы, посвященные особенностям материального положения и имущественного потенциала бедных россиян, среднего класса и представителей богатых слоев населения, в коллективной монографии, подготовленной в ИКСИ РАН с участием авторов данной статьи [5].

Разделение депривированной части населения на две группы, проживающие на уровне бедности и глубокой бедности, было произведено нами с помощью метода линейной регрессии в подпрограмме CHAID программы SPSS при анализе распределений ответов на 7 контрольных вопросов - о самооценке материального положения, о самооценке своей жизни в целом, о самооценке своего социального статуса и т.п.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 430-459.
2. *Изменяющаяся Россия в зеркале социологии.* Гл. 4. М.: Летний Сад, 2003.
3. *Бондаренко Н.В.* Интерпретация субъективных оценок личного материального благосостояния // Экономические и социальные перемены. 1997. № 6. С. 25-30; *Зубова Л.Г., Ковалева Н.* Общественное мнение по социальным проблемам // Бедность в России: государственная политика и реакция населения / Под ред. Д. Кругман. Всемирный Банк. Вашингтон-М, 1998. С. 293-309.
4. *Гордон Л.А., Терехин А., Будилова Е.* Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения // Экономические и социальные перемены. 1998. № 1-2. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Ин-т социологии РАН, 1998.
5. *Россия: новая социальная реальность.* М.: Наука, 2004.
6. *Тихонова НЕ.* Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.